

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

МАКРОЭКОНОМИКА

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

ИННОВАЦИИ И ИНВЕСТИЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБЗОРЫ

№ 1 2019

ISSN № 2073-9427

РАЗВИТИЕ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: РЕФЛЕКСИЯ ЗАПАДА

А.Р. Тумашев, кандидат экономических наук, доцент,
Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А.Н.Туполева
М.В. Тумашева, кандидат экономических наук, доцент,
Казанский национальный исследовательский
технический университет им. А.Н.Туполева

В статье рассматривается развитие мирового экономического и финансового кризиса, его предпосылки, этапы и последствия для структуры реального сектора экономики и финансовой сферы. Анализируется влияние экономического кризиса на западную экономическую теорию и экономическую политику. Особое внимание уделено на содержание альтернативных концепций и тенденций экономической политики США.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экономика России, глобализация, государственная экономическая политика

Кризисные явления в мировой экономике, торможение роста национального производства в ведущих странах мира и государствах, представляющих новые центры формирующейся экономической и политической силы, периодически обостряющиеся угрозы срыва в глобальную депрессию актуализируют теоретические и практические вопросы анализа условий и факторов экономического роста, а также соответствия существующей социально-экономической модели функционирования мирохозяйственной системы потребностям ее устойчивого развития. Соответственно, возникают сомнения в состоятельности сложившейся парадигмы (в терминологии Томаса Куна и Имре Лакатоса [1,2]) экономической науки, в адекватности положений концепций, которые представляют основное направление современной экономической мысли, задачам обоснования новой модели социально-экономического устройства, как на уровне отдельных государств, так и в масштабах мирового хозяйства [3].

До настоящего времени теоретической основой развития национальных экономик как взаимосвязанных элементов мирового хозяйства оставалась неоклассическая либеральная теория функционирования свободного рынка в ее различных вариантах. В рамках данной парадигмы предполагалось, что преимущества рыночного механизма неоспоримо перевешивают провалы рынка, которые можно компенсировать тонкой институциональной корректировкой рыночного механизма, интернализацией внешних эффектов и антициклическим регулированием совокупного спроса. Кейнсианские теории и модели экономического роста, преобладавшие в практике экономической политики ведущих стран западного мира в период с окончания Второй мировой войны до 60-х годов XX века [4,5] утратили часть своего влияния, сохранив позиции системной оппозиции неоклассическому течению экономической науки [6]. В конце XX века в теории к традиционно рассматриваемым факторам роста «капитал» и «труд» был добавлен новый революционизирующий эндогенный фактор – «технология». Предполагалось, что усилия по его совершенствованию в ходе новой технологической революции должны вновь усилить роль частного сектора, обеспечив условия конкуренции в интеллектуальной сфере [7]. Старые институциональные теории частично уступили поле своего

влияния новому институционализму, объясняющему возникновение самих рыночных институтов закономерностями снижения трансакционных издержек на основе применения инструментария микроэкономического анализа.

Доминирующей концепцией развития мировой экономики, которой до кризисной волны 2014 года руководствовались элиты развитых стран мира, до конца первого десятилетия XX века оставался либеральный сценарий глобализации, в соответствии с которым происходило формирование экономических институтов и организационно-правовых условий функционирования мировой финансовой и торгово-экономической систем. Принципиальная особенность технико-технологических изменений новейшей истории виделась в том, что в отличие от ранних волн мировых интеграционных процессов, допускавших сохранение самостоятельности отдельных государств, особенно крупных, в вопросах внутренней и внешней экономической политики, выбора модели хозяйственной системы, соответствующей национальным особенностям и традициям, сформировавшимся в ходе их экономической и культурно-исторической эволюции, глобализация не только сближает экономики отдельных стран, но и определяет изменения в характере принятия глобальных решений, касающихся будущего человечества и существования крупных национально-государственных образований. Широко распространенным стало положение, что перспективы глобальной интеграции потребуют повсеместного распространения принципов, институтов и ценностей западной цивилизации, унификации социально-экономической модели государственных хозяйственных систем с последующим ослаблением внутреннего и внешнеэкономического государственного регулирования, обеспечением большей транспарентности (прозрачности) и открытости границ.

В рамках общепринятой глобальной экономической модели неразрешенными оставались вопросы ресурсных ограничений, а главное – недостатка платежеспособного спроса, вызывающего обострение кризиса реализации и торможение экономического роста.

В последней четверти XX века развитие мировой экономики основывалось на модели эмиссионного расширения совокупного спроса во всех его компонентах.

На предшествующем этапе развития подобная схема применялась только для финансирования государственных расходов, погашения дефицита бюджета и рефинансирования государственного долга. Такая практика реализовывалась как во время Второй мировой войны, так и в послевоенный период. С начала 80-х годов для поддержания устойчивого потребительского спроса эмиссионные центры США и Европы перешли к рефинансированию потребительских расходов без реального обеспечения гарантий возврата выданных ссуд. Механизм необеспеченной эмиссии для поддержания совокупного спроса Федеральной резервной системой США и, в несколько меньшей степени, эмиссионными банками Европы обеспечивал макроэкономические условия роста потребления развитых капиталистических стран и опосредованно обеспечивал заказами развивающиеся рынки стран «третьего мира», к числу которых традиционно относил себя Китай. Под данную модель формировались институты транснациональной кредитной системы, росли их мощь и политическое влияние. По объему своих операций они возглавили список крупнейших корпораций мира.

Организационная инфраструктура эмиссионной системы включала сеть коммерческих, в том числе транснациональных банков и хедж-фондов, обеспечивавших распределение эмитированных средств по всему миру. Их функциональная роль состояла в распространении эмитированных ресурсов, а высокая доходность обусловила рост их доли в совокупной прибыли в экономике. Она увеличивалась с 5% перед Второй мировой войной до 70% в 2008 году, после чего последовало ее резкое сокращение: доля компаний финансового сектора в третьем квартале 2017 года (не считая прибыли банков федерального резерва) в общей прибыли коммерческого сектора США составила 19,6% [8].

Ценой эмиссионного роста стало формирование в мировой экономике не очевидных, но вполне реальных диспропорций в структуре общественного воспроизводства. Они выражались, во-первых, в избыточном увеличении непроеизводственной сферы – финансовых организаций в виде банков, хедж-фондов, страховых организаций, демонстрировавших наивысшую доходность. Их главной задачей в рамках эмиссионной модели развития стали не традиционные функции трансформации сбережений в инвестиции, а продвижение эмитированных средств на мировые рынки и их удержание в сфере чисто финансовых, по преимуществу спекулятивных сделок, недопущение обрушения денежной массы на рынки реальных активов. Продвижение эмитированных платежных средств на мировые рынки требовало открытия границ, либерализации внешнеэкономической деятельности, что ставило американскую промышленность в сложное положение конкуренции с производителями стран с более низким уровнем оплаты рабочей силы или более высокой производительностью труда. Кроме того, она проигрывала борьбу за кредитные ресурсы финансовому сектору, спекулятивные операции которого обеспечивали большую прибыльность. Во-вторых, потребление населения стран «золотого миллиарда» становилось явно избыточным с точки зрения обоснованности затрат на воспроизводство рабочей силы, когда значительная часть реального производства перемещалась в Китай и другие страны Юго-Восточной Азии, превратившись в производственные кластеры мирового хозяйства. При этом Америка и некоторые страны старой Европы выполняли функцию центров потребления, финансовые возможности которого поддерживались эмиссией, первоначально достаточно умеренной.

В годы президентства Рональда Рейгана (1980-1988) в США была предпринята попытка стимулирования инвестиционной активности и экономического роста с позиций теории экономики предложения, разработанной Мартином Фелдстайном и Артуром Лаффером, путем одновременного сокращения социальных расходов и ослабления налогового бремени – верхний уровень подоходного налога был снижен с 70 % до 28 % (в настоящее время верхняя ставка подоходного налога составляет 37% [9]). Была уменьшена федеральная помощь местным властям, ограничено бюджетное субсидирование бедных и частных фермеров. Политика рейгановки привела к оживлению деловой активности и сокращению безработицы с 7,5% до 5,3% (минимальное значение уровня безработицы в США в 2018 году составило 3,7% рабочей силы) [10], но полного преодоления бюджетного дефицита и прекращения его эмиссионного финансирования достичь не удалось, так как сократить социальные расходы оказалось значительно сложнее, чем снизить налоги [11]. Кроме того, значительных финансовых ресурсов и поднятия некоторых налогов потребовали программы, продвигаемые Конгрессом, такие, в частности, как TEFRA (Tax Equity and Fiscal Responsibility Act of 1982).

Очевидные симптомы новых волн кризиса системы мирового хозяйства проявились в начале 90-х годов XX века, однако разрушение СССР и блока социалистических стран, входивших в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) открыли для западной экономики новые рынки сбыта и источники реальных ресурсов, что позволило продлить существование эмиссионной модели и движение по прежней траектории до 2000-го года. Это была временная передышка, связанная с высвобождением ресурсов и рынков вследствие ликвидации страны-лидера системного антикапитализма. Через десятилетие ведущие страны мира – бенефициары развала СССР и вывоза из России значительной части национального богатства – вновь столкнулись с усиливающейся дестабилизацией мировой хозяйственной системы, обострением противоречий расширенного воспроизводства, внутренне присущих рыночной организации общества.

Начало третьего тысячелетия ознаменовалось рядом последовательных финансовых потрясений. Первым стал кризис американских высокотехнологичных интернет-компаний, курсы акций которых, котирующихся на площадке NASDAQ (National Association of Securities Dealers Automated Quotation), стремительно повышались на ожиданиях сверхдоходов от использования новых цифровых технологий и интернет-бизнеса. Устойчивый коммерческий рост интернет компаний, начавшийся в начале 90-х годов, сменился чередой подъемов и падений их капитализации. Это обусловило более высокую волатильность (изменчивость, нестабильность) индекса NASDAQ в сравнении с индексом Доу-Джонса (Dow Jones Industrial Average, DJI), отражающего курсы акций крупнейших предприятий реального сектора американской экономики, котирующихся на Нью-Йоркской фондовой бирже (NYSE). Пузырь «дот-комов» (dot-com bubble) окончательно лопнул в марте 2000 года, когда индекс NASDAQ, достигнув максимума, упал к концу закрытия торговой сессии более чем в полтора раза, что похоронило ожидания эры «новой экономики», а сам этот термин практически исчез из научного оборота.

Когда экономика США стабилизировалась после обрушения рынка акций высокотехнологичных интернет-компаний, для поддержания объема своих операций банки и инвестиционные фонды начали использовать деривативы - производные финансовые инструменты,

основывающиеся на долговых обязательствах – корпоративных и ипотечных облигациях. Рост экономики США продолжал поддерживаться за счет применения эмиссионного ресурса и создания виртуальных активов, примером которых стала сабпрайм ипотека (subprime mortgage) – кредит под закладную, предоставляемый на покупку дома с участком земли для людей с плохой кредитной историей и низкими доходами. Обеспечение кредита казалось надежным, так как цены на недвижимость устойчиво росли. Потребители стали приобретать дома и квартиры не только для проживания, но и в инвестиционных целях.

Для увеличения объема кредитных операций банки предоставляли заемщикам новые кредиты под залог уже находящейся в ипотеке недвижимости, применяя для снижения рисков и сокрытия ненадежных бумаг объединение залоговых обязательств различной степени риска в ипотечные пакеты с их последующей «нарезкой», перепродажей или залогом. Под эти же пакеты выпускались страховые документы. На фоне ажиотажа на американском рынке недвижимости риски по производным ипотечным инструментам представлялись незначительными – их цены постоянно повышались, проблем их погашения не ожидалось. Методика объединения кредитных ипотечных бумаг, обещавших более высокую доходность по сравнению с традиционными бумагами, с их последующей продажей инвестиционным банкам распространилась и в Старом свете.

В середине 2006 года рост цен на недвижимость в США сменился их падением, сокращением возможностей рефинансирования кредитов и ростом процентных ставок. В 2007 году с массовым отказом заемщиков обслуживать ипотечные обязательства столкнулись крупнейшие финансовые холдинги – BNP Paribas (Франция) и HSBC Holding plc (Великобритания). Падение рынка недвижимости стало началом крушения всего финансового рынка США, стремительно переросшего в мировой финансовый кризис. Знаковым событием стало банкротство в сентябре 2008 года Lehman Brothers – четвертого по величине банка в США, активно игравшего на рынке ипотечных закладных. Бум на рынке жилья закончился, финансовый пузырь переоцененной недвижимости лопнул. Это вызвало обрушение индекса Доу-Джонса на 500 пунктов, а затем финансовая паника быстро распространилась по всему миру.

В кризисе 2008 года проявились как противоречия, присущие экономике свободного рынка, так и слабость неолиберальных теорий, ее обслуживающих. Либеральная доктрина – это в большей степени теория торговли, сферы обмена, и в меньшей степени – теория производства. Один из ведущих сторонников глобализма Жак Аттали оценил торговый строй как двигатель прогресса, демократию – как лучшую политическую систему, могущество денег – как наиболее справедливый из возможных порядков [12,13]. За наблюдаемым эмиссионным стимулированием спроса не были видны растущие диспропорции реального сектора мировой экономики, причины которых не нашли адекватного отражения в ведущих направлениях экономической мысли Запада.

Условием эффективного функционирования финансовой инфраструктуры распределения средств, эмитированных ФРС США, выступает либерализация мировых торгово-экономических и финансовых отношений, ослабление защиты региональных экономик со стороны национальных государств, вовлечение последних в глобальные и крупные региональные союзы как подсистемы мирового хозяйства, подчиненные наиболее мощному центру экономического, финансового и военно-

политического доминирования, утвердившемуся после конца «холодной войны». Поддержку и руководство данными процессами осуществляли международные финансовые и торговые институты, такие как Международный валютный фонд, Мировой банк, Всемирная торговая организация как преемница Генерального соглашения по тарифам и торговле. Концепция прогрессистских тенденций универсализации рынка была изложена Френсисом Фукуямой в известной работе «Конец истории» [14]. Он высказал предположение, что модернизационный процесс ведёт к сближению ключевых параметров общественных институтов в разных странах, а буржуазная демократия останется единственной жизнеспособной политической системой. Приверженцы сохранения особенностей культурной и экономической жизни, защиты собственных ценностей, не вписывающихся в общий контекст однородного либерального мира, описанного Ф.Фукуямой, в контексте доминирующего сценария глобализации представлялись хранителями отживающих тоталитарных традиций, потенциальными противниками ее позитивных последствий, консерваторами, стоящими на пути общественного прогресса.

Из либерального сценария глобализации вытекает концепция формирования новых элит, все более отрывающихся от своих национальных корней и ощущающих себя представителями глобальной управленческой страты. Жак Аттали назвал их номадами – «новыми кочевниками». Данный термин в его понимании наилучшим образом характеризует грядущую оторванность мировой элиты от национальных традиций, особую культуру потребления и стиль жизни в новом тысячелетии [15].

На методологическом посыле либеральной теории был выстроен вариант теории международного разделения труда, отрицающий целесообразность производства в национальных государствах широкого спектра продукции, обеспечивающей стратегическую независимость страны и ее устойчивость к внешним шокам. Эффективным был признан такой тип отношений между элементами мирового хозяйства, при котором государства и экономические союзы ориентируют национальный бизнес на специализированное производство продукции, в изготовлении которой достигается более высокая эффективность в сравнении с другими регионами. России в соответствии с изложенными критериями отводилась роль поставщика углеводородного сырья, минеральных удобрений, древесины, черных и цветных металлов, США и Японии – результатов научно-технических решений в сфере высоких технологий и финансовых услуг, Германии – производителя машиностроительной продукции. Соответственно, различной представлялась историческая роль и судьба разных народов.

Волна мирового кризиса начала XXI века поставила под сомнение перечисленные постулаты неолиберальной доктрины. Один из первых критиков глобальной концепции Ф.Фукуямы Томас Эриксен отмечал, что, говоря о сформировавшемся консенсусе мировой элиты, Ф.Фукуяма упускает из виду, что капиталистический рынок не обеспечивает равные права и возможности для большинства людей [16]. Другой критик либеральной концепции глобализации Эрик Райнерт подчеркнул, что экономическая теория, обосновывающая преимущества международного рынка, освобожденного от национального регулирования, не подтверждается практикой. Сложившийся вариант глобализации усиливает имущественную дифференциацию и консервирует отсталость слаборазвитых стран [17]. По его мнению, инновации и передовые производства приносят богатство при условии защиты внутреннего рынка до того времени, пока он не окрепнет,

причем промышленность надо поддерживать для активной экономической экспансии, а сельское хозяйство, в котором преобладает действие закона убывающей отдачи, – для сохранения его национальных позиций. Критикуя упрощенное понимание и применение закона сравнительных преимуществ Давида Риккардо, он обратился к наследию Фридриха Листа и Йозефа Шумпетера, строивших свои подходы к анализу экономических процессов на опыте и логических рассуждениях, а не на либеральных догмах. По его мнению, эффективных национальный капитализм предпринимателей-инноваторов, использующих синергические эффекты и результаты фундаментальных открытий, может быть создан только в рамках политики разумного протекционизма. Доказывая, что современные экономисты игнорируют данный подход, настаивая на важности свободной торговли без учета готовности той или иной страны к открытию своей экономики, Райнерт объясняет это ослаблением континентально-европейской традиции в экономической науке. Вложение в национальное образование на фоне умирающего промышленного сектора превращается в субсидирование одной из форм вывоза капитала и национального богатства. Что касается институтов политической демократии, то они, скорее, наилучшим образом развиваются не в беднеющей и деиндустриализуемой стране, а на основе развития современной национальной промышленности.

Не менее убедительные аргументы, направленные против неолиберальной доктрины, привел Роберт Бреннер. Он подчеркнул, что экономическая наука постепенно отошла от реального мира в пользу формализованных аксиом и математических моделей, слабо связанных с реальностью. В результате этого многие основополагающие вопросы экономического развития в период со второй половины XX века не получили подробного убедительного ответа. Попытки заполнить возникший теоретический вакуум популярными экономическими обзорами лишь частично решали эту задачу, так как испытывали влияние текущих проблем и конфликтов интересов влиятельных групп. Работа Р.Бреннера «Экономика глобальной турбулентности» в определенной мере восполнила этот пробел, раскрывая механизмы перепроизводства и чрезмерной конкуренции, которые лежат в основе долгосрочного кризиса глобальной системы последней трети XX века [18].

В течение первых двух-трех лет экономической и финансовой стабилизации после первой волны мирового кризиса 2007-2008 годов в теории и экономической политике США как ведущей страны капиталистического мира обозначились две конкурирующие тенденции, два политических направления. Первая преимущественно выражала интересы финансовых структур и реализовывалась в политике Демократической партии США. Она предполагала сохранение эмиссионной модели функционирования мирохозяйственной системы, ведущими выгодополучателями которой выступали наиболее мощные финансовые институты, расположенные в США, и аффилированные с ними крупные транснациональные банки. Борьба с кризисом в русле этой тенденции выражалась в стимулирующей денежно-кредитной политике «количественного смягчения» (Quantitative Easing, QE) и поддержания либерального сценария глобализации, создания крупных региональных объединений, в которых предполагалось сохранить ведущую политическую и финансовую роль Соединенных Штатов. Это должно было создать условия для продвижения американских товаров и распределения эмитируемых ФРС платежных средств на контролируемых ими между-

народных рынках. Планировалось формирование союзов, создаваемых в рамках международных соглашений, таких как Транстихоокеанское партнерство (Trans-Pacific Partnership, TPP, 2016) и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (Transatlantic Trade and Investment Partnership, TTIP, готовилось к подписанию в 2014-2015 годах).

В период президентства Барака Обамы (2009-2015) учетная ставка ФРС поддерживалась на крайне низком уровне: с 5,25% в 2007 году она опустилась до 0,25% на 16.12.2008 и продержалась на этих значениях до 28.08.2015 [19]. Ужесточение денежно-кредитной политики началось только после завершения срока правления Барака Обамы и вступления в должность президента кандидата от Республиканской партии США. Процентная ставка Европейского центрального банка длительное время также демонстрировала устойчивую тенденцию к снижению, связанную со стимулирующей политикой «количественного смягчения». Она опустилась с 4,25% на 02.10.2008 до 0% к 10.03.2016 [20]. В экономику Еврозоны ежегодно вливалось на беспроцентной основе от 30 до 15 млрд. долларов. На эти средства для стимулирования экономической активности бизнеса Европейский центральный банк скупал бонды стран Еврозоны, что ставило экономику Европы в преимущественное конкурентное положение по сравнению российской с ее ключевой ставкой, менявшейся от 14% до 7,5%. Несмотря на предпринимаемые усилия ЕЦБ удалось лишь затормозить, но не остановить снижение уровня жизни, разрушение реального сектора и сохранения напряженности в системе государственных финансов. По данным Европейского статистического агентства государственный долг Франции увеличился с 64,5% ВВП в 2007 году до 97% в 2017-м, Италии – с 99,8% до 131,8%, Испании – с 35,6% до 98,3%, Греции – с 103,1% до 178,6%. Только Германии – главному бенефициару европейской интеграции – удалось в этот период стабилизировать параметры государственного долга на уровне около 64%, что снизило общие темпы роста общего государственного долга в Евросоюзе – он вырос с 57,6% до 81,6% [21]. Нарастание угрозы разрушения нового европейского фондового «пузыря» заставило президента ЕЦБ Марио Драги 13 декабря 2018 года завершить европейскую программу количественного смягчения, на которую с 2015 года было истрачено 2,6 трлн. евро [22], что не означало полного прекращения поддержки рынка облигаций еврозоны и жизни в кредит.

Сторонники другого, конкурирующего направления экономической политики Запада, в первую очередь США, обращают внимание на долгосрочные негативные последствия эмиссионного поддержания спроса для национальной экономики ведущих капиталистических стран – деградацию реального, в первую очередь, промышленного сектора, несущую прямую угрозу научному и технологическому превосходству Запада над развивающимися экономиками Китая, Индии, Латинской Америки. Это требует от западной экономической науки разработки новой экономической концепции, соответствующей изменившимся условиям. Примечателен вывод австралийского экономиста Джона Куиггина, что система экономических идей, таких как гипотеза эффективного рынка, тезис «великого смягчения» теория общего динамического стохастического равновесия, универсальной благотворности приватизации и «обогащения сверху вниз», сыгравших решающую роль в наступлении Великой депрессии, будет сохранять ведущее положение в экономической науке и практической политике до того времени, пока не сформируется система убедительно

обоснованных альтернативных идей [23].

В ряду знаковых работ, посвященных критическому анализу последствий реализации рекомендаций неолиберальных теорий и практики рыночных отношений, следует выделить «Цену неравенства» (The Price of Inequality) Джозефа Стиглица, отличающуюся не только констатацией нарастающих противоречий существующих тенденций развития, но и конструктивным видением возможности преодоления их негативных последствий [24], и «Положить конец этой депрессии!» (End This Depression Now! - в русском переводе «Выход из кризиса есть») Пола Кругмана, в которой догматичность ортодоксальной неоклассической теории противопоставляется практике кейнсианства [25].

Новое, альтернативное направление экономической политики в большей степени связано с интересами корпораций реального сектора США, в первую очередь военно-промышленного комплекса и связанных с ним высокотехнологичных секторов, рассчитывающих вернуть Соединенным Штатам прежние доминирующие позиции в мировой экономике, используя возможности, открываемые новой технологической революцией. Для этого необходимо остановить утечку капиталов из США и постараться вернуть часть активов высокотехнологичных транснациональных компаний в Старый Свет. Добиться этих целей невозможно без существенных изменений в денежно-кредитной и бюджетной политике, способах достижения геополитических приоритетов, направленных на поддержание американского доминирования. Инициатором и промоутером указанного направления в экономической политике стала часть американского истеблишмента в лице правоконсервативного крыла Республиканской партии США, в большей степени ориентированная на политику изоляционизма и приоритет интересов крупной национальной промышленной буржуазии, связанной с оборонным комплексом. Ее поддержка обусловила победу Дональда Трампа на президентских выборах 2017 года.

Планируемая политика изоляционизма не предполагает ослабления контроля США над стратегическими территориями, включая рынки Европы. Она решает задачу переложить финансирование общих, в том числе оборонных расходов на бюджеты своих союзников и сателлитов, использовать свои преференции в системе международных соглашений, тарифные и нетарифные методы для защиты американского внутреннего рынка и сокращения дефицита торгового баланса. Своим глобальным конкурентам, включая ключевого союзника по НАТО – Германии – выдвигается требование сократить положительное сальдо в торговле товарами с США путем заключения «добровольных соглашений о сдержанности».

После прихода к власти Д. Трампа американское руководство предприняло ряд мер, идущих вразрез с императивами неолиберального дискурса. США вышли из Парижского соглашения, подготовленного взамен Киотского соглашения по климату, соответствующих целям устранения препятствий для развития американской промышленности [26]. Не было подписано подготовленное соглашение о создании Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (TTIP). 23 января 2017 года Америка прекратила свое участие в Транстихоокеанском партнерстве (TPP). Были приняты меры протекционистской защиты внутреннего рынка стального проката от продукции европейских и российских конкурентов. Стратегическим союзникам США в Европе было предложено самим решать свои проблемы.

В аналогичных целях было пересмотрено соглашение о Североамериканской зоне свободной торговли США,

Канады и Мексики NAFTA, которое было создано для расширения рынка североамериканских корпораций [27]. Вместо него 30 ноября 2018 года было подписано соглашение USMCA (United States–Mexico–Canada Agreement), в которое были внесены изменения, касающиеся прав автопроизводителей, трудовых и экологических стандартов, защиты интеллектуальной собственности, и некоторые положения о цифровой торговле. Очевидно, что эти действия противоречат либеральной версии глобализации, предусматривающей ограничение и ослабление защиты внутреннего рынка национальных государств от международной конкуренции.

В монетарной сфере был взят курс на умеренное ужесточение денежно-кредитной политики. Попытки радикально поменять курс, переместив центр тяжести решений из руководства ФРС в Международный валютный фонд, предпринятые его директором-распорядителем, французским социалистом Домиником Стросс-Каном закончились безрезультатно в связи с дискредитацией последнего. Продвижение на должность главы ФРС главы Национального экономического совета, министра финансов США Лоуренса Генри Саммерса («Ларри» Саммерса), представляющего интересы дома Рокфеллеров, также не увенчалось успехом. На посту Председателя Совета управляющих ФРС Бена Шаломе Бернанке в 2014 году сменила Джанет Йеллен, кандидатуру которой предложил еще Барак Обама. Завершив первый срок пребывания в должности из возможных двух, она уступила ее в 2018 году профессиональному юристу Джерому Хайдну Пауэллу, рекомендованному Дональдом Трампом. Постепенное повышение процентной ставки ФРС с 0,25% на 02.10.2015 года до 2,5% на 26.09.2018 [19] преследовало цель создания благоприятных условий для привлечения капитала с мировых финансовых рынков в экономику США. Был взят курс на укрепление национальной валюты, возвращения капиталов с рынков развивающихся стран и повышение доходности государственных облигаций.

Вариант стимулирующей эмиссионной и финансовой политики, предлагавшийся командой Хилари Клинтон, предполагал сохранение финансовой структуры эмиссионной системы и продвижения доллара за счет дальнейшего ослабления реального производственного сектора экономики США. Курс администрации Дональда Трампа, напротив, изначально был направлен на восстановление и модернизацию реального сектора национальной экономики за счет частичного ослабления позиций финансового сектора и переструктурирования мировой финансовой структуры.

Реализуемый республиканской администрацией новой экономической курс имеет свои сильные и слабые стороны. Рост учетной ставки ведет к повышению ставок кредитования для бизнеса. В новых условиях воспользоваться заемными источниками для расширения бизнеса могут только предприятия с фактически положительной доходностью, обеспечивающей реальный рост. С ужесточением условий рефинансирования с потребительского рынка снимается спрос несостоятельных покупателей, живущих в кредит без намерения и реальной возможности его погасить. Из экономической литературы постепенно исчез термин «экономика всеобщего потребления», почти не употребляется понятие «золотой миллиард».

В результате принятых мер был обеспечен экономический рост, невысокий по темпам, но рекордный по продолжительности. Позиции реального сектора укрепились: к концу 2018 года: безработица в США находилась на низком уровне безработицы в 3,7% рабочей силы, а годовая инфляция на ноябрь 2018 года составила 2,2% [28], что незначительно превышало целевое значение

(таргет инфляции) ФРС. Темп экономического роста не дошел до целевых значений, но поднимался до 4,2% во втором квартале 2018 года, а прогноз на 2019 год составил 3,1% [29].

Линия на ужесточение денежно-кредитной политики имеет свои негативные последствия. «Финансовые пузыри», образовавшиеся в период низких ставок, при их повышении угрожают снижением котировок корпоративных бумаг. Дешевый кредит породил убыточные стартапы, в которые в течение ряда лет вкладывались огромные суммы в расчете на огромные прибыли в будущем. Для стартапов стоимостью более 1 миллиарда долларов, способных жить только при низких процентных ставках венчурный инвестор Эйлин Ли (Aileen Lee) в 2013 году предложила название «компания-единороги», подчеркивающее их уникальность [30]. Наряду с ними появились «компания-зомби», в том числе и банковского сектора, чистый денежный поток (EBITDA) которых не позволяет обеспечивать погашение и обслуживание кредитов без их реструктуризации [31]. Ухудшение финансового положения таких предприятий в результате повышения процентных ставок может спровоцировать отрицательные последствия для фондового рынка, уже в настоящее время отражающего умеренный пессимизм инвесторов, на что обратил внимание российский экономический и финансовый аналитик Константин Пахунов [32]. После продолжительного роста котировок, начавшегося в 2009 году, конец 2018 года закончился существенным падением основных фондовых индексов США (Dow Jones Industrial - Nasdaq Composite - S & P 500) [33]. Дополняет ряд негативных факторов, способных ухудшить ситуацию в мировой и американской экономике, сложное положение на рынке вновь переоцененной недвижимости. Кроме того, повышение учетной ставки ФРС отрицательно сказывается на банках, представляющих организационно-финансовую структуру, сформированную для обслуживания системы распространения средств, эмитированных ФРС. Доходность банковской сферы снизилась, доказывая ее объективную избыточность.

Компании финансового сектора, испытывающие трудности при ужесточении денежно-кредитной политики, обладают огромной финансовой мощью и политическим влиянием, что не может игнорировать любой политический деятель. Учитывая опыт прошлого, открыто выступить против их интересов не рискнет большинство американских политиков. Не случайно Дональд Трамп заявил, что «что совсем не рад принятому им решению рекомендовать Джерома Пауэлла на должность председателя Федерального резерва, так как последние решения ФРС вредят американской экономике» [32].

Наличие двух крайне противоречивых подходов к проведению государственной экономической политики снижают ее эффективность, обуславливают непоследовательность реализации предвыборной программы президента Дональда Трампа по реформированию национальной и мировой экономики и обостряют политическую ситуацию в стране. Единственное, в чем достигают согласия сторонники конфликтующих подходов – представление о наличии общих мировых угроз, способных повлиять на осуществление планов по сохранению американского экономического и политического доминирования, основывающегося на экономической и финансовой мощи, научно-техническом, технологическом и военном превосходстве США.

В качестве главных источников таких угроз рассматриваются Китай и Россия.

Экономика Китая объективно угрожает США своими растущими масштабами (12238 млрд. долларов китайского

ВВП против 19391 млрд. американского в 2017 году [34]) и темпами экономического роста (6,9% против 2,3%) [35]. Главное, что ставит под вопрос доминирование Соединенных Штатов – это быстрое сокращение научно-технического отставания Китая. Если в начале 2000-х годов Китай считался мировым цехом производства зонтов и детских игрушек, то в 2016 году на мировой рынок хлынули уже высокотехнологичные товары, такие как сотовые телефоны и компьютеры. Следующим шагом становится изготовление в стране микрочипов, которые Китай в настоящее время закупает у Японии, Кореи и США. Если Китай сможет наверстать отставание, он станет неуязвимым в торговой войне, за чем последует обеспечение его военно-технической независимости [36].

Для негативного отношения к России с ее более скромным, по данным МВФ, ВВП в 1527 млрд. долларов в 2017 году существуют иные основания. Во-первых, Россия, унаследовавшая военно-технический потенциал СССР, остается единственной страной, способной обеспечить гарантированное уничтожение любого агрессора, включая США. Во-вторых, в силу своей культурной традиции она может предложить миру глобальный проект, альтернативный западной цивилизации. В этом главная причина русофобии, обостряющаяся каждый раз, когда Россия перестает идти на стратегические уступки. Запад, в первую очередь его американизированная часть, «любит» Россию тогда, когда та геополитически ослабевает, подвергает сомнению истинность своих цивилизационных оснований, воспринимая как единственно верные формы организации социальной жизни Запада.

Другие цивилизационные проекты, такие как китайская цивилизация, при их значительной внешнеэкономической активности в меньшей степени раздражают Запад. В культурно-ценностном плане они, в отличие от России, не характеризуются мессианской направленностью, ориентируясь на свою собственную историческую ойкумену. Несмотря на то, что экономические санкции в отношении России объективно слабее, чем меры, принимавшиеся в отношении СССР в период «холодной войны», ее ослабленный промышленный потенциал, сырьевой характер экспорта и технологическая зависимость делают национальную экономическую систему более уязвимой в условиях фактически ведущейся гибридной войны.

Литература:

1. Kuhn, Thomas S. (2012) The Structure of Scientific Revolutions: 50th Anniversary Edition 4th Edition. - University Of Chicago Press. - 264 p.
2. Lakatos Imre, Musgrave Alan ed. (1970). Criticism and the Growth of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press. - 292 p.).
3. Тумашев А.Р., Тумашева М.В. Мировой экономический кризис - взгляд с Запада //Экономический вестник Республики Татарстан. Казань: Издательский Центр Татарстанстата, 2012. - № 3. - с.5-8.
4. Harrod, R. (1966) Towards a Dynamic Economics: Some Recent Developments of Economic Theory and Their Application to Policy. L.: Macmillan; Later ptg. of the 1948 edition.
5. Hansen, Alvin Harvey (2012) Monetary Theory and Fiscal Policy. Literary Licensing, LLC (June 30). - 246 p.
6. Solow, R.M. (2004) Structural Reform and Macroeconomic Policy (International Economic Association Series), Palgrave Macmillan. -170 p.
7. Romer, P.M., Nelson, R.R. (1996) Science, Economic Growth, and Public Policy // Technology, R&D, and the Economy, Smith, B.L.R. and Barfield, C.E. (eds.), Washington: Brookings Institution and American Enterprise Institute. Reprinted in Challenge, March-April, pp 9-21.
8. Corporate profits in the United States in 2017, by industry (in billion U.S. dollars) // STATISTA. The Statistics Portal – URL: - <https://www.statista.com/statistics/222127/quarterly-corporate-profits-in-the-us/>.
9. United States Individual - Taxes on personal income / PricewaterhouseCoopers (PwC) – URL: <https://translate.google.com/translate?hl=ru&sl=en&u=http://taxsummaries.pwc.com/ID/United-States-Individual-Taxes-on-personal-income&prev=search>.
10. Уровень безработицы в США. – URL: <https://ru.investing.com/economic-calendar/unemployment-rate-300>.
11. Тумашев А.Р., Тумашева М.В.. Теоретические вопросы анализа мирового кризиса как фактора развития современной экономики //Экономический вестник Республики Татарстан. Казань: Издательский Центр Татарстанстата, 2011. - № 4. с.6-11.
12. Attali, Jacques. (2011) A Brief History of the Future: A Brave and Controversial Look at the Twenty-First Century, Arcade Publishing; Reprint edition. - 312 p.
13. Attali, Jacques. (1991) Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order, Times Books/Random House; 1st edition. - 130 p.
14. Fukuyama, Francis. (2006) The End of History and the Last Man. Free Press; Reissue edition. - 464 p.
15. Attali, Jacques. (2003) L'homme nomade. Paris: Fayard; FAYARD edition. – 484 p.
16. Eriksen, T. H. (2014) Globalization: The Key Concepts 2nd Edition, Bloomsbury Academic, 224 p.
17. Reinert, Erik S. (2008) How Rich Countries Got Rich...And Why Poor Countries Stay Poor. - New York: PublicAffairs 400 p.
18. Brenner, Robert. (2006) The Economics of Global Turbulence– Verso; 1st Edition edition . - 369 pages.
19. Процентная ставка Федеральной резервной системы. – URL: <https://www.teletrade.ru/analytics/currency/stages/federalnaia-rezervnaia-sistema>.
20. Процентная ставка Европейского центрального банка – URL: -<https://www.teletrade.ru/analytics/currency/stages/evropeiskii-tentralnyi-bank>.
21. Eurostat. Government finance and EDP statistics. – URL: - <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/government-finance-statistics/data/main-tables>.
22. Europe's Central Bank Ends One of the Biggest Money-Printing Programs Ever – URL: - <https://www.nytimes.com/2018/12/13/business/ecb-quantitative-easing.html>.
23. Quiggin, John. (2012) Zombie Economics: How Dead Ideas Still Walk among Us. - Princeton University Press. - 288 p.
24. Stiglitz, Joseph E. (2013) The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future. W. W. Norton & Company. – 560 p.
25. Krugman, Paul. (2013) End This Depression Now! . W. Norton & Company. - 288 p.
26. Easley, Jonathan. Trump cements 'America First' doctrine with Paris withdrawal, The Hill (June 2, 2017) – URL: - <https://thehill.com/homenews/administration/336014-trump-cements-america-first-doctrine-with-paris-withdrawal>.
27. Тумашев А.Р., Тумашева М.В. Теоретические вопросы анализа мирового кризиса как фактора развития современной экономики: опыт Запада для России. //Экономический вестник Республики Татарстан. Казань: Издательский Центр Татарстанстата, 2012. - № 1. с.10-16.
28. Current US Inflation Rates: 2008-2018 | US Inflation Calculator. – URL: - <https://www.usinflationcalculator.com/inflation/current-inflation-rates/>.
29. United States GDP Growth Rate – URL: - <https://tradingeconomics.com/united-states/gdp-growth>.
30. Top 10 Companies Behind The 2018 Midas List: Exits And Unicorns That Helped Their Investors The Most. – URL: - <https://www.forbes.com/sites/truebridge/2018/04/03/top-10-companies-behind-the-2018-midas-list-exits-and-unicorns-that-helped-their-investors-the-most/#37a613ac138a>.
31. The rise of zombie firms: causes and consequences//BIS Quarterly Review | 23 September 2018, by Ryan Niladri Banerjee and Boris Hofmann C https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt1809g.htm.
32. Пахунов, К. Плохо скрытая угроза. – URL: – <http://expert.ru/expert/2018/49/ploho-skryitaya-ugroza/>.
33. Global Stock Market Indexes – URL: – <https://country-economy.com/stock-exchange/usa>.
34. World Bank. GDP (current US\$). – URL: – https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2017&start=2016&year_high_desc=true.
35. The World Factbook. Country Comparison: GDP - Real Growth Rate. – URL: – <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/rankorder/2003rank.html>.
36. Bui Quoc Trung, Wee Sui-Lee. How China Took Over Your TV. – URL: – <https://www.nytimes.com/interactive/2018/11/18/world/asia/made-in-china.html>.

DEVELOPMENT OF A GLOBAL ECONOMIC CRISIS: WEST REFLECTION

A.R. Toumashev, M.V. Toumasheva

The article discusses the development of the global economic and financial crisis, its prerequisites, stages and consequences for the structure of the real sector of the economy and the financial sector. The impact of the economic crisis on Western economic theory and economic policy is analyzed. Particular attention is paid to the content of alternative concepts and trends in US economic policy.

Key words: economic growth, economic development, world financial crisis